

Кушелёв-Безбородко, Григорий Александрович

Г. А. Кушелёв-Безбородко. 1850-е годы.

Граф Григорий Александрович Кушелёв-Безбородко (20 января (1 февраля) 1832, [Санкт-Петербург](#) — 1 (13) мая 1870, [Санкт-Петербург](#)) — русский прозаик, шахматист, издатель, меценат из рода [Кушелевых](#).

Почётный член шахматных клубов Вены, Парижа и Рима. Ему принадлежала глодневская вотчина в Орловской губернии. Он встречался в Риме за шахматной доской с ведущим шахматистом Италии маэстро Дюбуа. Григорий Александрович пишет: «Дюбуа несравненно сильнее меня играет, но были, однако, дни, когда и я мог похвастаться победой». Кушелев-Безбородко играл в шахматы с венгерским мастером И. Колишем и И. С. Тургеневым.

Биография

Сын государственного контролёра [А. Г. Кушелёва-Безбородко](#), наследник большого состояния графов Кушелевых и Безбородко.

Окончил [Александровский лицей](#) (1850). Служил в канцелярии Комитета

министров. После смерти отца ([1855](#)) стал попечителем [Нежинского лицея](#) (основанного его отцом на деньги прадеда [И. А. Безбородко](#)), а также учреждённых им детского приюта и женской [богадельни](#) в Петербурге. Основатель журнала «Шахматный листок».

С начала [1850-х](#) публиковал прозаические произведения в периодике. В [1856](#) приобрёл право на издание [журнала «Русское слово»](#). Издавать журнал начал с [1859](#), приняв на себя обязанности редактора и в помощники пригласив [А. А. Григорьева](#) и [Я. П. Полонского](#). В [1860](#) Кушелёв-Безбородко отошёл от руководства журналом (в чём он проявил незаурядную некомпетентность); должность редактора была передана [Г. Е. Благосветлову](#), которому в [1862](#) Кушелёв-Безбородко подарил журнал и типографию.

Брак с сестрой [Н. Н. Кроля](#) исключил его из аристократических кругов и сблизил с кругами литературными. Устраивал еженедельные литературные обеды с участием большого числа писателей Петербурга.

В [1858](#) пригласил [Александра Дюма-отца](#) совершить путешествие по [России](#). Принимал французского писателя на своей даче в [Полюстрове](#).

На средства Кушелёва-Безбородко издавались книги стихотворений [А. Н. Майкова](#) ([1858](#)), первое собрание сочинений [А. Н. Островского](#) ([1859](#)), сочинения [Л. А. Мея](#) (3 т., [1862—1863](#)) и другие издания.

В [1861](#) посетил в [Лондоне](#) [А. И. Герцена](#), в [1863](#) внёс значительный вклад в «Общий фонд» (созданный в [1862](#) для помощи нуждающимся молодым эмигрантам и ликвидированный в [1867](#)).

Литературная деятельность

С начала [1850-х](#) публиковал очерки, рассказы и повести в журналах «[Отечественные записки](#)», «[Пантеон](#)», в газете «[Молва](#)», изданные затем в сборнике «Очерки и рассказы Грицко Григоренко» (Санкт-Петербург, [1857](#)). В [1859—1861](#) публиковал в журнале «Русское слово» путевые очерки, статьи, рассказ «Каприз богатого мальчика». В [1868](#) напечатал рассказы «Рассказ соседа» и «Там свистят, а здесь плачут» в журнале «[Вечерний телеграф](#)» и издал полное собрание своих сочинений «Очерки, рассказы и путевые заметки».

Кушелёв-Безбородко, граф Григорий Александрович, род. 20 января 1832 г., ум. 7 мая 1870 г. Старший сын первого графа Кушелева-Безбородко, последний представитель этого рода, который с его бездетной кончиной в мужской линии пресекся. Известен своей благотворительной деятельностью. По окончании курса в Императорском Александровском Лицее, 17 июня 1850 г. поступил на службу в канцелярию Комитета Министров; в 1855 г. назначен камер-юнкером и затем, после смерти своего отца, попечителем Нежинского Лицея. 2 января 1859 г. произведен в статские советники и назначен попечителем богадельни на Малой Охте. Лицею князя Безбородко он подарил

несколько рукописей Гоголя, портреты первого попечителя лицея гр. А. Г. Кушелева-Безбородко, Гоголя, Кукольника и Гребенки; затем в память своего отца гр. Г. А. Кушелева-Безбородко в год его смерти основал "приют для приема кормилиц и для вскармливания детей, в память гр. А. Г. Кушелева-Безбородко"; для приюта этого он купил особый дом; в 1858 г. он назначил по 11000 руб. ежегодно на содержание женской богадельни, которой и присвоено название "Богадельня гр. Григория Кушелева-Безбородко". Сам он занимался литературой; свои произведения помещал частью в журналах, частью печатал отдельно; ему принадлежат: "Очерки и рассказы и путевые заметки" (СПб. 1868), "Очерки и рассказы" (СПб. 1857 — под псевдонимом Грицко Григоренко); он основал журнал "Русское Слово", "Шахматный Листок", дал средства для издания, под редакцией Костомарова, "Памятников старинной русской литературы", издал стихотворения А. Майкова, повести Полонского, сочинения Мея, рисунки к сочинениям Гоголя.

В. ПАНОВ, «Рыцарь бедный»:

«...Чигорин взглянул на дверь, ведущую в почти пустое помещение общества, и многозначительно улыбнулся. Шумов прочел его мысли.

– Да-с, немного – одна комната в «Немецком собрании», а все лучше, чем ничего. По одежке протягивай ножки. Мы, старики, сделали, что могли. Посмотрим, как вы – молодые. «Вы, нынешние, ну-тка!» Хвалится синица море зажечь, да...

– Вот и я говорю, – миролюбиво сказал Чигорин, – что одному человеку это не по силам. Нет множества, на которое можно опереться. Потому клубы и распадаются. А будь журнал, духовно объединяющий любителей всей империи, он бы помог сохранению и созданию клубов и положил бы начало Всероссийскому шахматному союзу. Журнал необходим! Был же «Шахматный листок», выходил аккуратно пять лет. И деньги на издание нашлись.

– «Деньги нашлись», – иронически улыбаясь, повторил Шумов. – Да, именно «нашлись»! Если вы, Михаил Иванович, где-нибудь в таинственном подземелье найдете золотой слиток с голову величиною, сможете хоть десяток шахматных журналов издавать – не прогорите!

– Кто же нашел золотой слиток?

– Бывает золотой самородок и в образе человека. Я уже упоминал имя графа Григория Александровича Кушелева-Безбородко. Потомок екатерининского фаворита, несметный богач, миллионщик и очень добрый и культурный человек. Но цену деньгам не знал – они текли у него, как вода! У него был роскошный дворец в Петербурге, где сначала устраивались шахматные вечера, а потом открылся шахматный клуб. А лето граф проводил в старинной дедовской усадьбе в Полюстрове, выходящей на Неву и

окруженной огромным парком. Кушелев-Безбородко приглашал туда духовой оркестр и разрешал окрестным дачникам гулять в своем парке. Мало того! Он к ним высылал лакеев с подносами, уставленными блюдечками с мороженым, чашками шоколада, прохладительным питьем: лимонадом, оршадом, клюквенным морсом. Все это, конечно, бесплатно и буквально навязывалось всем желающим.

Иногда к публике в сопровождении целой свиты выходил и сам Кушелев-Безбородко – высокий, стройный, холеный человек с русой бородкой и добрыми голубыми глазами. Помню, как-то раз вслед за компанией на веранду вышел, пошатываясь, известный поэт Мей с графином вина в руке и, обращаясь к графу, окруженному цветником разряженных дам и кавалеров, произнес такой экспромт:

Графы и графини!
Счастье вам во всем,
Мне же – лишь в графине
И притом – в большом!

Кушелев-Безбородко не довольствовался избранным кругом друзей – светских знакомых или любителей искусств, а допускал к себе случайных, порою даже вовсе не знакомых людей. Графский дворец всегда был переполнен и напоминал восточный караван-сарай. Много о жизни графа мне рассказывал Афанасий Афанасьевич Шеншин. Был такой кавалерист – не то кирасир, не то лейб-улан, который увлекся писаньем стихов и стал известен как поэт Фет. Потом женился на миллионщице, и дурь из головы вылетела. Сейчас – богатый помещик.

Так вот, говорил Фет, к Кушелеву-Безбородко приезжал и даже ночевал, кто хотел, из многочисленной петербургской богемы. Даже не одни, а с любовницами. Можно было встретить наряду с известными писателями, поэтами, художниками, журналистами, шахматистами всякого рода темных личностей, включая спиритов, шулеров и прочую шушеру. Все это размещалось в огромном барском доме, бесплатно жило, ело, пило, играло в карты, каталось в экипажах графа, сидело, никем не звано, за его роскошным столом, обедаясь изысканными яствами и упиваясь редкими винами.

Дым стоял коромыслом! Некоторые наглые прихлебатели, пользуясь простотой и радушием графа, спьяну даже оскорбляли его. Вот уж правда: «Посади свинью за стол...»

Жену граф Григорий Александрович тоже подобрал подходящую: форменную транжиру! Писаная красавица. Выйдя за графа, она просто обезумела от нахлынувшего богатства и предалась самому необузданному мотовству. Четыре раза в день к ней приезжали модистки с новыми платьями. Потом она приказывала приносить себе прежние, надоевшие платья и расстреливала их из револьвера!

Природная фамилия ее была – Кроль. Получила воспитание в институте благородных девиц-дворянок, где «привлекла внимание» самого императора Николая. Пришлось срочно выдать «девицу» за гвардейца Пепхержевского. Муж вскоре умер, вышла за пожилого чиновника Голубцова, но в поисках веселой жизни бросила его. Встретясь на балу с Кушелевым-Безбородко, так очаровала его, что граф откупил Любовь Ивановну за сто тысяч рублей у второго мужа, добился развода и сам женился на ней.

Но великосветское общество столицы не приняло в свой круг графини со столь темным прошлым. И вот однажды Любовь Ивановна явилась в театральной ложе с огромным букетом камелий (а тогда романом Дюма-фиса прямо зачитывались!) и громко заявила: «Не суждено мне быть первой среди графинь, так буду первой среди камелий!» И пустилась во все тяжкие, да так, что в конце концов несчастный граф дал жене несколько сот тысяч с условием, чтобы она навсегда уехала из России.

Но Кушелев-Безбородко, к сожалению, скончавшийся рано, тридцати восьми лет, был не только лукулловским прожигателем жизни, но подлинным меценатом и знатоком искусств. Он был другом Гончарова, Тургенева, Писемского, Крестовского и других известных писателей, многих художников, артистов, принимал у себя Александра Дюма, когда тот приехал в Россию, и других иностранных знаменитостей, покровительствовал молодым талантам. Граф издавал «толстый» журнал «Русское слово» и сам написал два тома рассказов, воспоминаний и путевых очерков. Недурно владел пером!

Кушелев-Безбородко был страстным любителем шахмат, почетным членом многих иностранных шахматных союзов. Вот граф и решил при своем «Русском слове» с 1859 года давать ежемесячное приложение «Шахматный листок» размером в 24 странички под редакцией Виктора Михайловича Михайлова – сильного шахматиста и опытного литератора, владевшего пятью европейскими языками»

«ШАХМАТНЫЙ КЛУБ», открыт 10 января 1862 в доме Елисеевых на Невском просп., 15 (см. Чичерина дом) по инициативе издателя «Шахматного листка» графа Г.А.Кушелева-Безбородко. Членами «Ш. к.» были многие столичные литераторы и издатели: М.А.Антонович, А.Н.Апухтин, Г.Е.Благосветлов, Ф.М.Достоевский, А.В.Дружинин, Г.З.Елисеев, А.А.Краевский, В.С.Курочкин, П.Л.Лавров, Н.А.Некрасов, И.И.Панаев, Д.И.Писарев, А.Ф.Писемский, Н.Г.Помяловский, М.Е.Салтыков-Щедрин, А.А. и Н.А.Серно-Соловьевичи, В.В. и Д.В.Стасовы, Н.Г.Чернышевский и др. «Ш. к.» сразу превратился в литературно-общественный клуб, где обсуждались наиболее острые вопросы внутренней политики, общественной жизни, литературы. Здесь рассуждали о необходимости введения конституции в России. «Ш. к.» считается одним из центров тайного общества «Земля и воля» 1860-х гг. 8 июня 1862 по приказу СПб. военного ген.-губернатора кн. А.А.Суворова «Ш. к.» был закрыт.

Л. ТРЕТЬЯКОВА, «Рассказы веера»:

«...Наведываясь в ее маленькую квартирку возле Таврического сада с выцветшими бархатными портьерами с бомбошками, разномастной, словно собранной из разных жилищ мебелью, Любовь Ивановна всякий раз отмечала и порядок, царивший здесь, и несомненный уют. Дети были чисты и прибраны. А из маленькой кухоньки, куда графиня никогда не заглядывала, тянуло то аппетитным запахом борща, то сдобой.

Елена Денисьева поддерживала самые сердечные отношения со скандально известной графиней Кушелевой-Безбородко. Это была дружба отверженных обществом женщин. Гражданский муж Денисьевой, знаменитый поэт и дипломат Ф.И. Тютчев, избегал встреч с Любовью Ивановной в квартире, где жила его незаконная семья, и относил графиню к числу тех порочных созданий, кого душевная пустота толкает добиваться «бесстыдных побед».

«Федор Иванович обещал быть к обеду», – гордо говорила Елена. И Любовь Ивановна всегда старалась избежать встречи с ним: однажды его глаза глянули на нее из-под очков так холодно и неодобрительно, что ей сделалось не по себе. Антипатия стала взаимной.

– Скажите, какой рыцарь нашелся! – иной раз пускалась графиня в неприятные для Елены рассуждения. – Обрюхатил тебя, смолянку на

выпуске, упек в эдакую конуру и строит из себя святого Антония. Пусть не боится, я до таких не охотница.

– Оставь, Люба, что ты, право! Я сама предалась ему. Это мой грех. По совести говоря, разве в подобного рода историях наша сестра не виновата? Ну если по правде-то? Думаешь, ему легко между мной и Эрнестиной Федоровной разрываться?

– Ах, подумайте – страдалец! Ты пожалей, пожалей его пуще. Она – жена, а ты – кто? Кто, тебя я спрашиваю? Содержанка?

– Mais pas du tout, chère. Вовсе нет, дорогая, – отозвалась Елена, и лицо ее порозовело. – Я жена его, настоящая жена, жена по любви. – И, чуть помолчав, добавила: – Знаешь, я ведь третьего жду. Федор Иванович недоволен, но я решилась. Не вытравлять же мне его дите!

Любовь Ивановна прикрыла ладонями уши, склонила голову к столу, за которым сидела, и страдальчески произнесла:

– О, Боже! Да ты совсем безумная.

Елена, смеясь, подошла к ней и обняла за плечи:

– Любочка! Ну неужто ты и в самом деле не понимаешь? Я же люблю его.

1862 год выдался чрезвычайно тяжелым для Григория Александровича. Журнал «Русское слово», в котором граф знакомил публику с новыми произведениями Ф.М. Достоевского, печатал замечательные стихи русских поэтов, рецензии на самые заметные новинки отечественной литературы, попал под подозрение властей. И не случайно.

Журнал из литературного превращался в политический. Он все больше стал использовать свои страницы для пропаганды революционно-демократических идей, обличал самодержавие, крепостничество.

Такой крен, конечно, случился при полном попустительстве графа. Его роль стала ограничиваться только деньгами. Удачное начало не имело продолжения. Журнал прибрали к рукам другие люди, которые ругали хозяина «сиятельной бездарностью» и вели свою политику. Николай Кроль был с ними заодно, в отношениях с мужем сестры всегда преследовал свои цели – и материальные, и идеологические. За свою доверчивость Кушелев-Безбородко поплатился: сначала дважды издание журнала приостанавливалось, а затем он и вовсе был запрещен.

Однако Николай Кроль уповал на то, что все шишки в случае чего достанутся графу, в чем оказался совершенно прав! Он решил использовать Шахматный клуб на Невском проспекте, содержащийся, разумеется, на деньги Кушелева-Безбородко, для политических дебатов. Здесь, вытеснив любителей посидеть за шахматной доской (а среди них был даже министр внутренних дел России), стали собираться господа, давно уже состоявшие на заметке у полиции. Их разговорам и дискуссиям, все более бурным и многолюдным, не было конца. Понятно, что власти заинтересовались этими сборищами и закрыли клуб.

Но так или иначе Кушелев-Безбородко, субсидировавший и «Русское слово», и Шахматный клуб, оказался подозреваемым в распространении печатной и изустной антиправительственной пропаганды.

Николай Кроль вышел сухим из воды, а Григорий Александрович был лишен придворного звания. Не осталось свидетельств, как он перенес это, но и без того ясно: для представителя рода, основанного человеком, который долгие годы был правой рукой Екатерины Великой, тем, кого обычно называют столпом государства, решение императора Александра II относительно камер-юнкера Кушелева-Безбородко стало позором. И не только для графа, но и для всех его родных.

Похоже, семейство Кроль каким-то магическим кругом очертило жизненное пространство Григория Александровича, впуская вовнутрь лишь нечто сомнительное и осложнявшее его и без того не слишком ладную жизнь.

* * *

Это сделалось привычным: графиня поделила свою жизнь между Петербургом и Парижем. Возвращалась она оттуда повеселевшая, похорошевшая, с прекрасным цветом лица, крепко целовала мужа и целыми вечерами, забравшись с ногами в кресло, рассказывала о путешествии.

В этом одном из самых старинных зданий на Невском проспекте граф Григорий Кушелев-Безбородко в 1862 году открыл первый в Петербурге Шахматный клуб. Он быстро завоевал большую популярность. Здесь можно было встретить людей самого разного социального положения. Однако эта затея кончилась для графа, который сам был прекрасным шахматистом, очень печально. Незаметно для него это место для своих сборищ облюбовали весьма подозрительные лица. Они вели агитацию, распространяли запрещенную литературу. Граф был вызван для объяснений в Жандармское управление.

Проходило несколько месяцев. Она начинала скучать. И Григорий Александрович уже знал, что услышит:

– На месяцок, Грегуар, всего на месяцок.

Но каждая отлучка из Петербурга делалась все продолжительнее. Знакомые, посещавшие дом Кушелевых-Безбородко, привыкли к отсутствию хозяйки. Поняв, что она вернется не скоро, на Гагаринскую стали приезжать те, кто, не желая иметь с ней дело, отдалился от Григория Александровича.

В архиве сохранились специальные домовые книги, в которые скрупулезно заносились имена тех, кто бывал здесь на обедах и на ужинах. Внизу списка подводилась черта, и после слова «итого» обозначалось количество гостей. Из этого можно сделать вывод, что все-таки хозяйство у графа велось не совсем безалаберно, деньги считались, хотя основная статья расхода была всегда одна и называлась она «Любовь Ивановна».

Кроме того, эти записи, за неимением более точных данных, говорят о том, что уже с конца 1862 года Григорий Александрович жил практически один. То есть супружество Кушелевых-Безбородко, если принять во внимание все отлучки Любови Ивановны, оказалось совсем недолгим.

Видно, что дом посещали и сестры графа – это было бы исключено, если бы графиня обреталась в Петербурге. Мелькают фамилии, пусть немногочисленные, но все же знатные: князь Урусов, Кочубей, Голицын, Гагарин, Дурасов, граф Пушкин (очевидно, А.И. Мусин-Пушкин, муж сестры графа Любови Александровны) и, конечно, Александр Аркадьевич Суворов, теперешний супруг ветреной красавицы Елизаветы Ивановны, большой барин, богач, генерал-губернатор Санкт-Петербурга, а главное – великолепный человек с чутким сердцем, хорошо понимавший драму хозяина дома.

По-прежнему граф оставался в самых приятельских отношениях с Афанасием Фетом. Отнюдь не сноб, не аристократ, а обычный дворянин, далекий от каких-либо сословных предрассудков, поэт в отсутствие Любови Ивановны куда охотнее проводил время в кушелевском особняке. Он не уважал графиню и вовсе не из-за ее прошлого. Ему казалась отвратительной эксплуатация ею беспредельной любви и привязанности Григория Александровича – настолько очевидных, что Фет не переставал изумляться эгоизму его жены.

Он видел, как постоянно, не стесняясь, не испытывая угрызений совести, графиня тратит громадные суммы на свои прихоти, которые, будучи исполненными, тут же теряют в ее глазах всякую привлекательность.

Что особенно бросалось в глаза поэту, так это полное безразличие к собственному сыну, к которому граф относился совершенно по-отечески и конечно же собирался в будущем сделать своим наследником. Предрекая мальчику печальное будущее, Фет уподоблял Любовь Ивановну прорве, насытить которую при всем желании не мог один из самых богатых людей России.

«Извините, пожалуйста, – сказал мне однажды граф в своем кабинете, – что в настоящую минуту не могу вручить вам моего долга. Третьего дня я отпустил жену в Париж и был совершенно спокоен, уплатив за нее в магазин сорок тысяч рублей. А сегодня утром неожиданно приносят еще счетов на семьдесят тысяч.

Позвольте мне дня через три прислать вам мой долг», – вспоминал поэт.

Чтобы читатель мог оценить весомость подобных сумм, соотнесем их, к примеру, с заработком преподавателя гимназии середины XIX века. В среднем он составлял 50–60 рублей в месяц.

Фет, пользуясь короткими отношениями с графом, пытался «открыть ему глаза», говорил, что тот неуклонно идет к разорению, а это повлечет за собой самые тяжелые последствия для многих людей, которые существуют на его деньги. Тогда Григорий Александрович с обычной своей улыбкой отвечал, что ни на один рубль не уменьшил денег, посылаемых в опекаемые им больницы и приюты, а Нежинская гимназия по-прежнему получает назначенное еще до женитьбы содержание.

Когда же Афанасий Иванович по-приятельски пенял графу, что он-де безбожно попустительствует жене, то слышал в ответ одно и то же: Любовь Ивановна, мол, жертва всеобщего несправедливого устройства жизни.

– Вы только представьте, сколько горя ей пришлось пережить, в какой грязи изваляться – с ее-то гордым характером, с ее красотой и умом! Да что я такое перед нею? Вот вы говорите о недостатках Любви Ивановны. То, другое, третье... В ее состоянии это совершенно в порядке вещей. Вот письмо получил, пишет, скоро будет дома, а вы говорите... – Глаза графа светились счастьем.

«Вот чертовка! Околдовала! Опоила!» – думал Фет, потом тяжело вставал и, прощаясь, говорил:

– Эх, дорогой вы мой, пропащий вы человек.

Графская чета Кушелевых-Безбородко. Сколько таких фотографий хранится в семейных альбомах! Прильнувшие друг к другу супруги. Минутная иллюзия близости и взаимопонимания. А на самом деле – ощущение ужасной, непоправимой ошибки сближения с совершенно чуждым тебе человеком. И уже ничего невозможно исправить.

* * *

В последнее свое посещение квартиры Елены Денисьевой Любовь Ивановна пришла с ворохом подарков, привезенных подруге и ее детям.

Взглянув на лежавшего в колыбели сына Елены и Тютчева, которого называли Николаем, она села с серьезным лицом к столу. Ее разговор вопреки обыкновению был несвязным, а сама она скучна. Пользуясь тем, что малыш заплакал, Любовь Ивановна поспешила оборвать неклеившуюся беседу, незаметно сунула под кружевную салфетку, лежавшую посередине стола, несколько крупных кредиток и направилась в прихожую.

У самой двери обернулась. Елена даже чуть отпрянула, испугавшись выражения муки на лице гостьи.

– Ты, милая, прости и не суди меня строго, проклятую. Не суди, это все от горя, от подлой моей жизни.

Денисьева хотела что-то сказать, но Любовь Ивановна с силой прижала к ее рту пальцы в кружевной перчатке и страстно зашептала:

– Молчи! Знаешь ли ты, какая эта мука – никого не любить? Я смотрю на тебя, нищую, всеми брошенную, на детей твоих несчастных – да, да, несчастных – и все-таки завидую. Крепко завидую, до смерти. Вот Гришку погубила. А за что? Он ведь человек редкий, поди сыщи второго! За деньги я его погубила... Вот что со мной случилось. Не веришь? Я б, коль греха смертного не боялась, с моста бы прыг – и конец. А так – жить приходится...
– Она криво улыбнулась. – Я люблю хорошо жить. Привыкла уж. Ну, прощай! И люби своего Федора Ивановича несуразного. Крепко люби!

Денисьева было потянулась к гостье, хотела что-то сказать, но та, ловко отворив замок, змеей выскользнула и с такой силой закрыла за собой

дверь, что ошеломленную хозяйку словно молнией ударило. Она еще долго стояла в прихожей, прижав руки к груди и пытаясь успокоиться.

В Российском архиве древних актов хранится тонкая, в несколько листов, папка, озаглавленная так: «Дело о разводе графов Г.А. и Л.И. Кушелевых-Безбородко». Эти бумаги, переданные сюда из Ленинграда в 1932 году, отчасти проливают свет на то, чем и как завершилась вся эта история.

Однако «делом о разводе» содержимое серой папки считать трудно: здесь нет ни одного официального документа, подтверждающего сам факт развода – процесса чрезвычайно муторного, тянувшегося порой годами. Особенно долго, как правило, приходилось ждать вердикта церкви – постановления Синода. Так вот, в отношении Кушелевых-Безбородко ни со стороны гражданских властей, ни церковных нет ни одного определения, как нет и основополагающей бумаги: прошения самих супругов о расторжении их брака.

Говоря по правде, ни тому ни другому официальный развод был не нужен. Любовь Ивановна сразу же много потеряла бы в своем статусе и материальном положении. Про графа и говорить нечего: возможно, он мог убить жену, но разлюбить – никогда.

У них оставалось одно: разъезд – спасительный и, надо сказать, популярный способ для многих не портить друг другу жизнь окончательно. А для таких однолюбов, как Григорий Александрович, это и еще надежда рано или поздно вернуть себе свое сокровище.

...Вероятно, писем с берегов Невы на берега Сены было отправлено немало: с уверенением в любви, в безумной тоске по ней и даже с непривычной для графини укоризной. Но все напрасно. Она не отвечала. Зато писали другие, свидетели ее веселой жизни. А то, что это были не досужие сплетни, не наветы, продиктованные злыми чувствами, Григорий Александрович догадывался.

Он обратился к начальнику III Отделения собственной его императорского величества канцелярии, по влиянию – второму лицу в государстве. Когда-то, во времена Пушкина, эту должность занимал небезызвестный А.Х. Бенкендорф, а теперь – генерал-адъютант, князь Василий Андреевич Долгоруков.

Можно представить себе то ужасное чувство стыда, неудобства, растерянности, которые испытывал Григорий Александрович во время

визита к главному полицейскому Российской империи. По сути, он расписывался в том, что его негласный спор с обществом, отвергнувшим Любовь Ивановну, был им проигран! Друзья и знакомые предупреждали – он не слушал. Сестры стояли на коленях – он просил их не волноваться, убеждал, что они оценят его избранницу и поладят с ней. И вот теперь он просит полицейское ведомство вернуть ему жену.

Бумага на имя князя Долгорукова сохранилась. Остались и черновики. Даже спустя полтора столетия чувствуется, с каким трудом все это писалось. Многие фразы исправлены или даже густо вымараны. Видимо, граф старался составить свое прошение в обтекаемых фразах, но этого не получалось. Надо было о своих претензиях к жене писать прямо, откровенно, иначе и нечего рассчитывать на помощь официальных лиц.

Вот текст прошения:

«В июне сего 1865 года жена моя, графиня Любовь Ивановна Кушелева-Безбородко, с моего согласия поселилась на некоторое время за границей.

Убедясь, что дальнейшее пребывание моей жены в чужих краях не приносит ей никакой пользы, но служит только к совершеннейшему разъединению нас, и видя, что в последнее время образ графини, окружившей себя разными личностями безо всякого умственного и нравственного образования, – не способствует ее званию и положению и что она все более и более уклоняется от тех строгих правил, которыми должна руководствоваться всякая благовоспитанная женщина (можно представить, как хмыкнул Долгоруков от пассажа про строгие правила и благовоспитанность. Но граф считал свою жену именно такой. Она лишь «уклоняется», подпав под соблазны Парижа. – *Л. Т.*), я счел необходимым в предупреждении вредных от такого образа жизни для нее и для моего имени последствий просить ее еще в минувшем году возвратиться в Россию для совместного со мной сожительства».

Вот так: граф согласен на то, что после парижских гастролей супруги он снова станет посмешищем, – пусть, лишь бы Любовь Ивановна приехала домой и в их особняке на Гагаринской набережной все вернулось бы на круги своя. Он был готов все забыть и все начать сначала.

Смейтесь! Разве вам не приходилось встречаться с чем-то подобным? «Непростительны поступки лишь тех, кого мы больше не любим». Эта мысль когда-то была произнесена на берегах Сены, откуда Григорий Александрович все продолжал ждать известия.

...Прошло еще пять месяцев. Любовь Ивановна по-прежнему не давала о себе знать. Граф волновался и винил посольских работников в нерасторопности.

«Я осмеливаюсь вторично утруждать ваше сиятельство покорнейшей просьбой снести с посольством нашим в Париже и потребовать от него немедленного доставления отзыва жены моей о ее возвращении в Россию для совместной со мной жизни. Я не получил уведомления, какой ею дан отзыв по этому предмету».

Долгоруков послал срочную депешу, и наконец-то от графини Кушелевой-Безбородко были получены объяснения.

Очень умно, логично, кратко написаны все бумаги Любви Ивановны. В них нет многословия, не идущих к делу подробностей, чем всегда грешат женщины, и только раздражает тех, кто по долгу службы вынужден вникать в их излияния.

Чувствуется, однако, что «соломенная вдова» наняла помощников, хорошо знающих законы Российской империи. Даже забавно! Каждое пояснение своих поступков у нее сопровождается указанием статьи и пункта, которым они соответствуют.

...Переписка набирала ход. Если одна версия разрыва с мужем признавалась несостоятельной, то без всякого смущения Любовь Ивановна выдвигала следующую, и на некоторое время наступал антракт: петербургское начальство становилось в тупик, сбитое с толку ее железной логикой и ссылками на закон, которые трудно было парировать.

Вот, например, она задает вопрос: разве брачный союз между двумя людьми не предполагает равного выполнения супружеских и родительских обязанностей? «Покажите мне закон, – загоняет в угол Любовь Ивановна своих корреспондентов, – где оговаривается преимущество первых перед вторыми?»

Итак, вот он, ее новый козырь, – материнский долг. «Имея сына от первого брака, усматривая, что по случаю болезненного его состояния и по невозможности для него жительства в суровом климате, я нахожусь в необходимости жить возле него для облегчения его страданий и для наблюдения за нравственным и физическим его развитием».

Исходя из этого, она настоятельно просит не препятствовать ей в осуществлении ею «священных обязанностей матери находиться постоянно (это слово подчеркнуто графиней. – Л. Т.) при нем» – то бишь в теплых краях.

Как все эти «священные обязанности» соотносились с теми сведениями о Любви Ивановне, которые поступали по другим каналам, – одному Богу известно.

Сколь ни странно, однако рассказы о святом материнском долге произвели впечатление, а может быть, Долгорукову хотелось поскорее покончить с этим делом. Григорий Александрович был поставлен в известность об «истинных причинах, повелевающих его супруге оставаться в Париже». Тот воспрянул духом и, поверив в болезненность своего подростка-пасынка, изъявил желание самому ехать к жене в Париж и наладить семейную жизнь.

Вот такого поворота дела Любовь Ивановна никак не ожидала! О ужас! Она страшно испугалась. Приезд мужа, мечтающего о продолжении супружества, ну никак не входил в ее планы.

А потому мадам поняла, что вся эта дымовая завеса со священным материнским долгом может обернуться против нее, – поняла и заторопилась, засуетилась и даже стала отвечать в Петербург как будто от лица графа:

«Муж, находя необходимым для устройства своих дел находиться в России, не имеет возможности поселиться вместе со мной для содействия мне в наблюдении за его пасынком, а моим сыном ввиду столь неблагоприятно сложившихся семейных обстоятельств».

Должно быть, Григорий Александрович знал, что подразумевается под этими обстоятельствами. Любовь Ивановна упирала на то, что своим возвращением подписала бы себе смертный приговор:

«Имею честь сообщить, что, несмотря на всю мою любовь к отечеству, – заверяла она шефа жандармов, – я решила не возвращаться в Россию, где семейное несогласие совершенно расстроило мое здоровье, отравило мою жизнь и ничего не обещает мне в будущем, кроме возможных домашних неприятностей и беспокойств... преждевременно свести меня в могилу».

Переписка продолжалась.

«Бабые проклятое! Как же вы мне надоели!» – с величайшим раздражением размышлял Долгоруков. Его можно было понять – не проходило года, чтобы не затевалась подобная скверная история: мужья требуют, теребят, государю жалуются на бездействие властей, которые не в состоянии вернуть им спутниц жизни, основательно застрявших в Париже.

Ну что можно поделатъ с этими вертихвостками! При деньгах, красоте, эдакой обворожительности они и черта не боятся, не только государя-императора или его, главного жандарма империи.

Трудно сказать, сколь долго тянулась бы вся эта канитель, если б Александр Аркадьевич Суворов не счел своим долгом помочь графу. Человек многоопытный, он прекрасно понимал, что тот попал в ловушку: графиня бросила мужа окончательно и никогда не возвратится. Но это полбеда, считал он. Наступит момент, когда при ее мотовстве ей не будет хватать денег. И вот тогда для графа настанут действительно тяжелые времена. Любовь Ивановна начнет требовать денег, умолять, грозить свести счеты с жизнью, а ее верный петербургский муж-рыцарь пойдет на все, чтобы выручить ее из затруднения. И конца-краю этому не будет...

Суворов как в воду глядел. В продолжавшейся переписке между Петербургом и Парижем появилась новая подробность. Графиня Кушелева-Безбородко сообщала, что, возможно, и вернулась бы к мужу, но печальное обстоятельство не позволяет ей этого сделать: она задолжала здесь триста тысяч франков – полиция схватит ее, как только карета, взявшая курс на берега Невы, попытается миновать ворота Сен-Мартен.

По-родственному, без всяких политесов, заехав в особняк на Гагаринской, Суворов, посвященный Долгоруковым в нюансы всего этого дела, имел с графом обстоятельный разговор.

Триста тысяч франков – это огромная сумма! Но когда граф услышал о долге жены, он словно даже обрадовался, повеселел. Суворов понял ход его мыслей:

– Пойми, милый, ну заплатишь ты эти деньги – и что? Ты же человек разумный, сам понимаешь, что будет дальше. К чему лишние рассуждения? Следом Любовь Ивановна, сославшись на пустячную причину, отложит свой приезд, а потом тебя известят, что ею куплено поместье где-нибудь на Луаре и кредиторы взяли ее за бока. А поместье-то знатное! Тут тремястами тысячами не обойдешься. Кстати, я по своим

каналам узнал: долг ее значительно меньше означенной суммы. Ей нужны деньги, только деньги. Вот и все.

Во время этого разговора Григорий Александрович сидел молча, положив ногу на ногу, смотрел куда-то в сторону и лишь изредка вскидывал на гостя спокойный, казалось бы, взгляд. И вдруг, пристально глядя на Суворова, тихо спросил:

– Она что же – никогда не вернется?

Тут Александр Аркадьевич еле сдержал себя и, приехав домой, крепко выпил. Но не отступился: то сам приезжал на Гагаринскую набережную, то зазывал почти никуда не выезжавшего графа к себе, и они беседовали у него в кабинете. Впрочем, говорил обыкновенно только хозяин. Много чего в жизни повидавший, он недоумевал: отчего человеку так трудно бывает понять очевидную вещь, такую простую и неотменимую, как то, что и нынче, как всегда, красный диск солнца закатится за шпиль Петропавловки.

...Вернувшись от Суворова, граф обычно поднимался на второй этаж в комнаты Любови Ивановны, брал первую попавшуюся под руку безделушку, коих было изобилие на туалетных столиках, бюро и каминных консолях, ставил обратно, шел в ее спальню и, зарывшись в подушки, безутешно, как несправедливо обиженное дитя, плакал.

*Боже мой – от века каждый знает,
Чем кончается земная страсть.
Человек лишь для того взлетает,
Чтоб вздохнуть, и крикнуть, и упасть...*

* * *

Суворов таки добился своего. В Париж было послано следующее предложение: долг Любови Ивановны будет погашен только в том случае, если она пришлет собственноручное, заверенное в русской миссии заявление о том, что навсегда отказывается от каких-либо материальных притязаний к графу Кушелеву-Безбородко.

Ответ был получен положительный, но содержал некоторые коррективы. Они интересны. Любовь Ивановна вменяла в обязанность мужа следующее:

- 1) выдавать ей 6 тысяч рублей ежегодно, за каждую треть года – вперед;
- 2) выдавать на воспитание пасынка и его содержание в течение 10 лет по 2 тысячи;
- 3) обеспечить будущее пасынка капиталом или недвижимым имуществом в 100 тысяч рублей.

Суворов, это видно по архивным бумагам, предупреждал графа, что эти требования возмутительны с моральной стороны и абсолютно незаконны с юридической.

«...Дабы сделать графине Л. И. Кушелевой-Безбородко возможным спокойное осуществление ею родительских попечений, я принимаю на себя обязанность освободить ее от законной ответственности по долгам на сумму до 300 тысяч франков. Что касается выдвинутых ею следующих условий, необходимых ей для жизни по ее собственному разумению, то также принимаю полную на себя ответственность в их удовлетворении.

Граф Г.А. Кушелев-Безбородко

Декабрь, 1865 год»

* * *

Очень немного известно о последнем периоде жизни Любви Ивановны. Болезнь, которая обнаружилась в ней, как будто не давала надежды на хороший исход. Но она упорно лечилась – в основном на курортах Германии.

Природная страстность, интерес к жизни и к людям в ней не угасали. По какому-то, возможно, совсем не случайному стечению обстоятельств именно супруги Достоевские, которые жили тогда в Германии, сохранили о ней любопытные сведения.

«На портрете была изображена действительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована в черном шелковом платье, чрезвычайно простого и изящного фасона; волосы, по-видимому, темно-русые, были убраны просто, по-домашнему, глаза темные, глубокие, лоб задумчивый... Она была несколько худя лицом, может быть, и бледна». Вполне возможно, что Достоевский описывал свою несчастную героиню, красавицу Настасью Филипповну, глядя на фотографию Любви Ивановны.

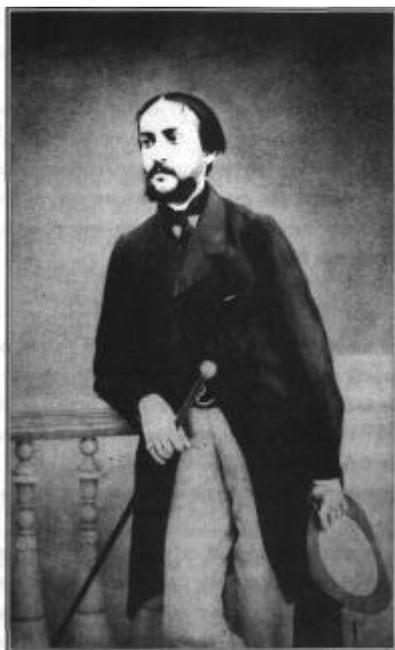
К примеру, жена писателя Анна Григорьевна вспоминала: когда они жили в Дрездене «графиня Любовь Ивановна Кушелева-Безбородко сама явилась знакомиться с Федором Михайловичем». Вероятно, полюстровские посиделки не оставили в ее памяти облика внешне очень скромного, неприметного, великого русского писателя.

Но в 1868 году в журнале «Русский вестник» был опубликован роман «Идиот», и, как говорили, «многие узнали в главных героях слегка измененные образы графа Григория и графини Любви». Что ж, Любовь Ивановна никак не могла пренебречь возможностью теперь уже на особых основаниях познакомиться с Достоевским.

Даже в слове «явилась», которое так точно употребила жена писателя по отношению к гостье, чувствуется неменяющаяся повадка Любви Ивановны. Такие дамы именно не приходят и даже не появляются – наш

чуткий и гибкий язык способен уловить разницу: они именно являются, падают как снег на голову, с наглой смелостью обнаруживая свои недостатки и свои достоинства. Они всегда вне толпы, вне общей массы, на них останавливается взгляд, они вызывают разноречивые чувства: любовь и ненависть, даже презрение, но именно им дано навсегда остаться в памяти.

Ну кто не пленился бы иногда этой женщиной до забвения рассудка? – читаем мы у Достоевского о Настасье Филипповне, а почему-то невольно вспоминаем несчастного Кушелева-Безбородко с его роковой любовью. – Боже, что бы могло быть из такого характера и при такой красоте. Но, несмотря на все усилия, на образование даже, – все погибло!» И образ Любови Ивановны встает перед глазами.

Одна из последних фотографий графа Кушелева-Безбородко: отрешенное лицо, взгляд, словно обращенный куда-то в прошлое, как будто вопрошающий: «В чем я был виноват? Почему не удержал ее, бедную. И она осталась где-то далеко в холодной могиле, куда никто не придет. Не поплачет, не помянет...».

К моменту визита к Достоевским ей и жизни-то оставалось несколько месяцев: чахотка пожирала здоровье и красоту, но не ее характер.

В «Дневнике писателя» за 1876 год Достоевский вспоминал про «одну русскую даму, жившую тогда в Дрездене, графиню К», так он зашифровывал Любовь Ивановну. Когда за ее спиной кто-то стал «ужасно ругать Россию», она «к ним обернулась и выругала их по-простонародному». Ну, понятно, как именно...

* * *

Зимой на исходе 1869 года Григорий Александрович получил из-за границы известие о кончине жены.

Он заказал заупокойный молебен и отдал распоряжение, чтобы из конторы на поминавание усопшей бессрочно отпускались бы деньги.

После смерти Любви Ивановны граф прожил четыре месяца.

Он знал, что этой весной он умрет. Ему то и дело снилась нянька Агафья, которая говорила, подводя его, еще маленького, к окну и указывая на начавшийся ледоход: «Смотри, Гришенька, сколько ее, талой воды! Уносит она с собой все старое и болезное. Пусть, мол, на земле молодое живет! Так и я, глядь, поплыву по весне, хватит старухе свет застить. То-то тебе, неслуху, воля будет». Гриша принимался плакать, теребил няньку за белый с оборкой внизу передник: «Не надо! Зачем? Я буду слушаться».

И так это живо представлялось Григорию Александровичу, словно между тем мальчиком и им теперешним никакой разницы не было. На набухавший невский лед он смотрел в широкое окно без малейшего страха перед надвигающимся концом.

Когда этой жизни постылой

Последние звуки замрут,

И наши заглохнут могилы

И сорной травой зарастут,

Какие-то новые люди

Вселятся в покинутый дом,

*Страдая и радуясь в чуде,
Которое жизнью зовем.
И полные веры и страсти,
По нашим идя черепам,
Получат то самое счастье,
Что было обещано нам...*

* * *

Граф Григорий Александрович Кушелев-Безбородко, последний из рода знаменитого канцлера, скончался в начале мая 1870 года тридцати восьми лет от роду.

В город в ту пору наконец-то пришла весна: хмурая, еще без долгожданного тепла, но все-таки – весна...»